

В.Е. Гимпельсон

Центр НИУ ВШЭ, ИС ФНИСЦ РАН, Москва

Человеческий капитал в эпоху санкций и контрсанкций: некоторые перераспределительные последствия

Аннотация. В статье отмечается, что сочетание жестких санкций, контрсанкций и стремление к почти тотальному импортзамещению создает сильный шок для человеческого капитала и существенно влияет на его использование и перераспределение. Это влияние проявляется по двум основным направлениям. Во-первых, следует ожидать недоиспользования ранее накопленных знаний и навыков вследствие технологического упрощения экономики. Во-вторых, ключевая роль в создании и адаптации человеческого капитала в ответ на меняющийся спрос будет принадлежать тем, кто проигрывал в рамках глобальной и открытой конкуренции. Это обстоятельство делает тенденцию к структурному и технологическому упрощению эндогенной. Процесс перестройки и перераспределения человеческого капитала касается как технологий, так и науки, и высшего образования. В итоге можно ожидать потери значительной части человеческого капитала, созданного для использования в условиях открытой экономики, встроенной в глобальные цепочки.

Ключевые слова: *человеческий капитал, санкции, контрсанкции, перераспределение.*

Классификация JEL: J24, O15, P16.

Для цитирования: **Гимпельсон В.Е.** (2022). Человеческий капитал в эпоху санкций и контрсанкций: некоторые последствия его перераспределения // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3 (55). С. 234–238. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-16

Кризисы, связанные со спадом производства, всегда ведут к потере части человеческого капитала, поскольку затрагивают и меняют структуру спроса на труд. Некоторые навыки обесцениваются, а процесс накопления новых временно притормаживается. Кризисы, переходящие в длительную стагнацию, приводят к кумулятивному накоплению потерь, для последующей компенса-

ции которых требуются высокие затраты и много времени. Если же при этом происходит системная смена политико-экономической парадигмы развития, то потери возрастают еще больше. Похоже, что сейчас мы имеем дело с последним случаем.

После такой структурной трансформации экономика потребует иных знаний и навыков, — отличающихся от тех, которые были произведены

и накоплены ранее. Одновременно идет масштабный процесс перераспределения рабочей силы, в котором можно выделить два ключевых аспекта. Во-первых, это перераспределение работников между профессиональными задачами разной сложности, — это касается степени и характера использования уже имеющегося человеческого капитала. Во-вторых, это своего рода перераспределение ролей в производстве новых знаний и навыков. Эти два аспекта связаны между собой. Если экономика упрощается (как, например, в результате санкций и контрсанкций), то и ранее накопленный человеческий капитал недоиспользуется и происходит смена ключевых участников в создании и использовании знаний и навыков. Это и новый раздел финансовых ресурсов и влияний в системе производства и распространения знаний. В этом процессе в разных ролях участвуют учебные заведения, компании и государство (как задающее правила игры и основной инвестор в этой сфере).

В 1990-е годы в условиях формирования рыночной экономики человеческий капитал, созданный в рамках советской плановой экономики, быстро отфильтровывался и обесценивался (Sabirianova 2002; Gimpelson, Chernina, 2022). И система образования, и компании учились жить в новой реальности и формировать для нее соответствующие навыки и умения. Кто не смог адаптироваться, так или иначе, уходит с рынка труда. В условиях негативного шока интенсифицировалась социальная мобильность и работники активно перемещались на более простые рабочие места с пониженными требованиями к человеческому капиталу (Sabirianova, 2002).

На протяжении периода с 2000 по 2021 г. наша страна прошла через череду разнообразных кризисов, которые влияли на накопление и использование человеческого капитала. Однако эти кризисы были относительно непродолжительными. В целом созидательное разрушение в этой сфере было направлено на то, чтобы формировать человеческий капитал для более открытой, конкурентной и глобальной экономики. И российская наука, и российская система образования учились оценивать себя с точки зрения общепринятых в мире объективных критериев, хотя многие этому сопротивлялись. Иностранные компании и российские экспортеры внедряли технологии, которые были глобальными и универсальными в своих областях, формируя для них навыки и компетенции у своих работников. Это способствовало появлению не только бенефициаров — молодых, амбициозных, образованных, мобильных, готовых постоянно учиться и переучиваться, но и проигравших — не

способных или не желавших переучиваться и начинать все сначала.

События 2022 г. вновь радикально меняют правила игры. Санкции и контрсанкции, конечно, влияют на структуру экономики. Чем они масштабнее и жестче, тем сильнее их влияние. Но в обсуждаемом нами случае они влияют не только сами по себе: они становятся одним из факторов системного *поворота к другой экономике*, к замкнутой системе воспроизводства, к торжеству импортозамещения всего на свете — производства, науки, культуры, идей — как принципиальной установке. И дело не только в том, что что-то становится труднодоступным в результате санкционных ограничений, но и наши собственные контрсанкции в отношении продукции недружественных государств действуют в том же направлении. Речь идет, по-видимому, о системном идеологическом и политико-экономическом развороте — от целей построения свободной и конкурентной экономики, от активного участия в глобальных цепочках добавленной стоимости к экономике еще более огосударственной и милитаризованной, замкнутой и технологически более простой. Разговоры о суверенитете не меняют сути дела. Участие в таком развороте становится для многих способом зарабатывания.

Основной принцип понятен: если открытая и конкурентная экономика поощряет (пусть и с оговорками) более конкурентоспособных и эффективных, отодвигая менее эффективных, то закрытие страны дает неудачникам/проигравшим предыдущего этапа шансы на реванш. Если эти неудачники — к тому же и большие патриоты с хорошим доступом к лоббистским ресурсам, то шансы возрастают еще больше.

Технологический задний ход

Соотношение выигравших и проигравших зависит от многих обстоятельств, не в последнюю очередь — от характера самой трансформации. «Эксперимент с технологически регрессивным импортозамещением», как определил текущую ситуацию известный экономист Бранко Миланович, дает преимущества и дополнительное влияние тем, кто был малоэффективен на высококонкурентных рынках сложных современных технологий (Milanovich, 2022). В условиях экономической открытости и глобальной конкуренции за место на мировом рынке у таких игроков было мало перспектив даже на локальных рынках, но «технологическая суверенизация» дает им шанс. Шанс, подкрепленный административной поддержкой, лоббистской активностью и финансовыми ресурсами. А также отсутствием лучших альтернатив. В то же время

участники глобальных цепочек могут потерять свое место на рынке и в том числе свой спрос на свою продукцию. Это делает такой разворот во многом самоподдерживающимся и эндогенным.

Если в автомобилестроении реанимируется экологический стандарт Евро-0, относящийся к 1960-м годам, это возвращает к жизни тех производителей двигателей и компонентов автомобилей, которых никогда бы не было при сохранении Евро-5 («В России разрешили выпуск автомобилей «Евро-0», без ABS и подушек безопасности»¹. Если ушли Боинг и Эйрбас, то расчистилось поле для российских самолетов независимо от их надежности и экономической эффективности. Ведь на чем-то летать и ездить все равно надо. Эти примеры на слуху у всех, но подобные им есть практически в любой отрасли и их легко отыскать в текущих СМИ.

Один из главных источников накопления человеческого капитала — это обучение на рабочем месте в процессе трудовой деятельности. Если на школу и университет приходится 15–20 лет жизни человека, то трудовая карьера может длиться более 40 лет. Чем сложнее выполняемая работа — тем сложнее приобретаемые навыки и тем дольше идет процесс их накопления. Врач, преподаватель или инженер учатся всю трудовую жизнь. Но на простой работе особо учиться нечему. Так, землекоп, работающий лопатой, довольно быстро становится «мастером своего дела» и дальше его навыки не прирастают, а силы и здоровье убывают. Такая работа ценится невысоко и не обеспечивает достойного заработка и хороших условий жизни. Это означает, что технический прогресс связан не только с человеческим капиталом тех, кто двигает его вперед, но и тех, кто его использует. Здесь опять же мы видим перераспределение рабочей силы в пользу производств вчерашнего дня, а также в пользу тех, кто учит соответствующим технологиям.

От науки глобальной к локальной?

Для того чтобы были *свои* передовые технологии, нужна современная наука. С одной стороны, она глобальна и очень конкурентна — ученые разных стран бегут наперегонки, поскольку лидерство дорогого стоит. Исключение из конкуренции — как и в спорте — означает отставание, часто — навсегда. Плоды такой конкуренции открыты для всех, так как публикуются в международных научных журналах, о них докладывают на научных конференциях, доступ к ним позволяет пользоваться результатами этих открытий даже в тех странах, которые не являются лидерами в этих областях науки.

С конца февраля все международное научное сотрудничество российских исследователей

быстро сворачивается. Закрываются и участие в совместном производстве знаний, и доступ к результатам. Наличие российской институциональной афiliationи оборачивается запретом к сотрудничеству, к участию в конгрессах и конференциях, перекрытым доступом к базам публикаций, данных и патентов. Академическая мобильность, которая позволяет обмениваться новыми знаниями и приносить их в Россию, фактически заблокирована. Доступ к передовой научной инфраструктуре — оборудованию, приборам, реактивам, программному обеспечению — невероятно затрудняется. Примеров тому множество. В России, например, как хорошо объяснил в своем интервью академик А. Кулешов, практически нет своего научного приборостроения². Это может отбросить российскую науку на десятилетия назад.

В академической науке конечным результатом исследований является публикация в рецензируемом журнале (или доклад на престижной конференции). Чем выше уровень журнала или конференции, тем дороже и тем выше профессиональное признание. Но в ведущих международных журналах публиковаться сложно и долго, а потому это удел немногих, тех, кто действительно находится на границе научного знания либо недалеко от нее. (Например, у экономистов публикационный цикл может занять 3–5 лет, а в России почти все публикующиеся в них исследователи сосредоточены лишь в нескольких организациях.) Что же делать остальным, кто от этой границы далек? А таких подавляющее большинство, особенно в социальных и гуманитарных науках. Они публикуются в местных или отраслевых журналах, в которых нет ни отбора, ни профессионального рецензирования, часто за плату или по знакомству, практически нечитаемых и мало кому известных. Требование публиковаться в журналах, входящих в Scopus и Web of Science, воспринималось такими учеными почти как акт национального предательства. И вот несказанное везение: все эти «скопусы» со своими квартилями и (ино)странными требованиями нам больше не указ! Короткий период низкопоклонства закончился! У нас ведь есть свой список ВАКа! Нет необходимости выкладываться и стремиться к совершенству, чтобы увидеть свою статью напечатанной в престижном журнале! Значит, опубликовать можно всё и быстро! Весной начал «исследование», к лету по нему написал «статью», осенью увидел ее опубликованной, в конце года успешно отчитался перед министерством! А после отчета ждет новый бюджетный НИР и новое финансирование. Ура и да здравствуют санкции! Ах, что бы мы без них делали?

¹ В России разрешили выпуск автомобилей «Евро-0», без ABS и подушек безопасности // *Коммерсантъ*. 16.05.2022.

² «Тотального бегства иностранцев не наблюдаем, хотя отдельные обидные потери есть» // *Коммерсант*. 22.05.22 (<https://www.kommersant.ru/doc/5357614?query=%D0%9A%D1%83%D0%BB%D0%B5%D1%88%D0%BE%D0%B2>).

Кто при этом проиграл тоже понятно — те, кто стремился быть среди мировых лидеров, оставаясь работать в России. В этих условиях они теряют смысл в своей работе. В итоге одни уходят из российской науки и уезжают из страны, другие меняют профессию, третьи — начинают заниматься имитацией научной деятельности. Вспоминается начало 1990-х годов, когда многие ученые и преподаватели были вынуждены стать челноками или заняться торговлей компьютерами. Еще один аспект проблемы — это отказ от возвращения в Россию тысяч молодых людей, которые получили образование и квалификацию на Западе, но готовы были вернуться. Падение престижа науки ведет к тому, что самые способные выбирают другие сферы деятельности, сложным дисциплинам предпочитают более легкие.

Следствием является снижение планки и эрозия стандартов качества научной продукции. Отключение от мировой сети науки и международных научных журналов означает переориентацию с мировых стандартов на локальные. Это как для спортсменов замена участия в Олимпийских играх и мировых чемпионатах городской или областной спартакиадой. Участвовать в них можно, но держаться на уровне мировых лидеров нельзя.

Из Болонской системы куда?

Деградация науки естественным образом ведет к деградации образования. Студентов — особенно аспирантов и магистров — должны учить те, кто находится на переднем крае рождения нового знания или недалеко от него. Учить надо в лабораториях, оснащенных современным оборудованием, и на лучших образцах, доступ к которым оказывается перекрыт. «Релокация» преподающих ученых добавляет проблем.

Возобновились с новой силой нападки на Болонскую систему. «К Болонской системе надо относиться как к прожитому этапу, — заявил министр образования и науки в интервью “Ъ”. — Будущее за нашей собственной уникальной системой образования, в основе которой должны лежать интересы национальной экономики и максимальное пространство возможностей для каждого студента»³. Что понимается под «интересами» пока не очень понятно, они у каждой институции свои. В связи с этим широко обсуждается возврат к специалитету — пятилетнему обучению в рамках более узких специальностей. В словах министра есть явное противоречие — ведь одна из целей Болонской системы как раз и состоит в предоставлении максимальных возможностей выбора. Возврат к специалитету этот выбор сужает, привязывает студента к более узкой специальности, ограничивает мобильность, повы-

шает издержки смены профессии. Узкая специальность при обучении предполагает адресно точное трудоустройство после окончания. Шансы на такое соответствие были низкими даже при советском планировании и распределении. Отметим, что это не разовые издержки, они будут сопровождать работника в течение всей его трудовой карьеры.

Но, может быть, специалитет все-таки дает более высокое качество образования? Мне не известны какие-либо научные доказательства этого тезиса, вытекающие из исследований, базирующихся на *строгой научной методологии*. Призывы отказать от Болонской системы мы слышали с самого начала ее внедрения. От кого? Прежде всего от ректоров и преподавателей высших учебных заведений, потерявших ресурсы при переходе к бакалавриату. Ведь за одного студента-бакалавра платят в течение 4 лет, а за студента специалитета — 5 лет, тогда как студенты магистры (это еще 2 года оплаты) есть не у всех. Другая группа интересантов — это те работодатели, которые не хотят инвестировать в подготовку кадров и почему-то надеются, что необходимые им узкоспециализированные навыки можно получить где-то еще и за чужой счет. Почему если не смогли хорошо обучить за 4 года, получится за 5? Качество образования зависит в первую очередь от качества студентов и профессоров, последнее на фоне общей стагнации вряд ли может стать лучше. Трудно избавиться от мысли о том, что за критикой Болонской системы скрывается борьба за финансовые ресурсы, которая ничего общего не имеет с заботой об образовании. Опять мы сталкиваемся с перераспределительными процессами, в ходе которых вчерашние неудачники пытаются вернуть потерянное.

Санкции и контрсанкции действуют в одном направлении — адаптация к ним ведет к использованию более простых и старых технологий. Тотальное импортозамещение в таких условиях означает, что вместо выпуска более сложной продукции с использованием передовых импортных технологий мы переходим к выпуску отечественной, более простой и часто морально устаревшей. Каждая технология вовлекает человеческий капитал соответствующего количества и качества. Но наука и образование будут подстраиваться к новой реальности, тем более что у такой подстройки есть много небескорыстных интересантов. Эти новые бенефициары не будут сидеть сложа руки и готовы принять активное участие в освоении бюджетов и перераспределении финансовых потоков, сопутствующих науке, образованию и технологиям. Соответственно, и человеческий капитал будет двигаться в этом направлении — адаптироваться к экономике вчерашнего дня, с которой мы собираемся двигаться в день завтрашний.

³ Васильева А. (2022). Наш вуз хотя и не в болонии // *Коммерсантъ*, № 90. 24 мая. С. 1.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Gimpelson V., Chernina Y.** (2022). Do Wages Grow with Experience? Deciphering the Russian Puzzle. *IZA Discussion Paper, IZA*, 15068.
- Milanovich B.** (2022). *The novelty of technologically regressive import substitution*. Available at: <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/18/05/2022/novelty-technologically-regressive-import-substitution>
- Sabirianova K.Z.** (2002). The great human capital reallocation: A study of occupational mobility in transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*, 30, 191–217.

Поступила в редакцию 04.07.2022

Received 04.07.2022

V.E. Gimpelson

CLMS NRU HSE, Institute of Sociology of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Russian human capital in times of sanctions and counter-sanctions: Some redistributive implications

Abstract. The paper argues that the combination of sanctions, counter-sanctions and total import-substitution taken together creates a strong shock on the human capital, and affects its utilization and reallocation. This effect can go along two major lines. First, one can expect underutilization of previously accumulated knowledge and skills due to the technologically regressive import-substitution. Second, those players who have previously lost in the global competition may take over the key role in formation and adjustment of the human capital to the changing demand. This shift in power and resources is likely to make the regress endogenous. These processes concern technological developments as well as R&D and higher education. As a result, one may expect that a significant part of the human capital that was created for utilization in more open and competitive environment can be lost.

Keywords: *human capital, sanctions, counter-sanctions, redistributive implications.*

JEL Classification: J24, O15, P16.

For reference: **Gimpelson V.E.** (2022). Russian human capital in times of sanctions and counter-sanctions: Some redistributive implications. *Journal of the New Economic Association*, 3 (55), 234–238. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-16

В.М. Полтерович

ЦЭМИ РАН, МШЭ МГУ, Москва

Еще раз о том, куда идти: к стратегии развития в условиях изоляции от Запада

Аннотация. Показано, что программа институциональных преобразований, намеченная в ряде статей автора, еще более актуальна в условиях нынешних санкций и нуждается в дальнейшей разработке. Вследствие ограничений на потоки импорта и экспорта повышается потребность в формировании длинных цепочек добавленной стоимости внутри страны. Бизнес самостоятельно не способен справиться с этой задачей. Для ее решения необходимы институты догоняющего развития, включая систему индикативного планирования во главе с генеральным агентством развития и национальную инновационную систему, нацеленную на заимствование технологий с постепенным увеличением объема собственных инновационных разработок. Реформу управления экономикой целесообразно осуществлять как продолжение реформы проектной деятельности, проведенной в 2018–2019 гг. Новые институты должны обеспечить экономический рост путем формирования совокупности мегапроектов и программ, согласованных друг с другом и с бюджетом, на основе координации усилий государства, бизнеса и общества на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Подчеркивается возросшая необходимость введения диф-